

Правдошина Людмила Егоровна
Председатель Тигильской Ассоциации народов Севера

Ительменский эпос как одна из основ формирования мировоззрения подрастающего поколения коренных малочисленных народов Севера

Современное развитие так называемых «примитивных народов» происходит в условиях постепенной интеграции и трансформации традиционных обществ коренных народов Севера, традиционных структур в большие социально — экономические структуры с сохранением исконных, во многом оригинальных культурных традиций и этнической самобытности. Одновременно создаются и укрепляются собственные социально — культурные институты.

Яркий пример данной тенденции — создание Ассоциации ительменов Камчатки «Тхсаном. Основой роста экономической системы ительменов и родственных народов на территориях традиционного природопользования была и остается рыбная промышленность, перспективы которой с учетом потребления рыбопродуктов и ценообразования на внутрироссийском, постсоветском и мировом рынках практически безграничны. К сожалению, наметившаяся тенденция начала 90-х годов XX века — возвращение в некогда закрытые села Тигильского района с компактным проживанием камчадало — ительменского населения (Старая Седанка, Сопочное, Омонино, Морошечное, Белоговое, Утхолок) не получила своего развития. Это прослеживается на примере родовой общины «Билукай» с. Тигиль, общества с ограниченной ответственностью «Ительмения» и других малых национальных предприятий района. Здесь сказываются особенности современного положения России — области — округа, особенности становления рыночных отношений на территориях, оказавшихся за пределами «красной» полосы. Сказался и фактор организационно-правовых ошибок, когда становление малых национальных предприятий, основанных на традиционном природопользовании и тенденции возврата в закрытые села, не было связано с перспективой становления и развития базовых предприятий в национальных селах.

Будущее наших народов за подрастающим поколением, его возможностью адаптации к новым условиям жизни и сохранением этногенетических связей и исторической памяти, которая для абorigенов зачастую всплывает через легенды, мифы, сказания, названия ландшафтных образований, осознание себя носителями определенного этноса. Льготы и привилегии, как правило, не возвышают народы, так как в какой-то мере подчеркивают его несостоятельность и в нравственном отношении всегда ущербны. Мы должны рассматривать их как временную меру, как школу гражданского становления наших малочисленных народов. В школах всегда важен исторический пример (в мифах и легендах), в котором мы порой находим то, что принято называть в ученом мире — эпосом.

Эпос малочисленных народов — основа формирования духовной культуры. Малочисленные коренные народы планеты, несмотря на то, что отделены друг от друга большими расстояниями, прошли во многом сходный исторический путь развития, связанный, в основном, общим исходом — завоевание более высоко организованной цивилизацией, но при этом они сохранили свою историческую самобытность и во многом сходные взгляды на окружающий мир.

У индейцев Аляски (здесь воспользуюсь записями моей землячки Н. Ю. Толман) весной и осенью проводятся сходы, совпадающие с естественным циклом смены природных процессов. Приезжает много гостей. Молодежь узнает культуру других народов, так как проходит множество церемониальных процессов. Споспобствует этому и обстановка массового общения. Хотя взгляды индейцев Аляски на взаимодействие природы и человека своеобразны, но что-то родственное с нами заметно просматривается. Рисунок земли представлен следующим образом: там, где мы привыкли видеть север, находится восток. Он окрашен желтым цветом, который олицетворяет воздух. Юг — красный цвет (земля), запад — черный (вода), север — белый (белый огонь). При этом в миропонимании индейцев, как объясняет старейшина Бено Клевеленд, путь с Севера на Юг — от «белого огня» к «красной земле» — неправильная дорога развития, путь с Запада на Восток — от «черной воды» к «желтому воздуху» — правильная дорога, и каждый человек стремится идти по правильной дороге. Чем выше его духовность, тем меньше шансов сойти на неправильный путь. Когда-то много веков назад один пророк рассказал желтым людям: «Наступит время, когда цивилизация будет убивать все живое». Большинство не верило в пророчество. Подошел XVI век, европейцам становится тесно, они начинают осваивать новые территории. К XIX веку в их власти практически все земли планеты. Под давлением завоевателей разрушается культура, уклад жизни аборигенов. Чтобы сохранить культурные традиции, коренные народы покидают земли предков и уходят вглубь континента. Зачастую белые люди верили, что своими новшествами приносят аборигенам добро, но в своих намерениях они не преуспели до конца и в определенное время вдруг поняли, что, внедрив одно, они погубили другое. Они потеряли родину, в то время как аборигены, культуру которых они уничтожили, сохранили свое лицо, несмотря на все тернии, которые им пришлось испытать. Белые стали испытывать чувство вины, начали учиться у аборигенов выживанию в условиях бурной цивилизации, обращаясь к укладу коренных жителей. Стал происходить процесс взаимопонимания, взаимообогащения и взаимовлияния. Обратимся к указанному рисунку земли. Клевеленд считает, если уничтожить воздух — все погибнет, если погубить землю — на ней ничего не будет произрастать, исчезнет все живое, если испортить воду — все умрут от жажды, если погасить огонь — все замерзнут. Таким образом, все четыре стороны света нуждаются друг в друге, и народы с уважением обратились друг к другу, поняли ценность каждого из них, пошли по правильной дороге, повели за собой молодежь. В этом смысл всех культурных мероприятий индейцев, основанных на добре, уважении, искренности и взаимопонимании.

По аналогии хотелось бы привести эпизод из «охотничьих рассказов» Тана — Богораза (1901 г.): «Год выдался плохой, люди умирали от кори и от инфлюэнцы, олени падали от бескормицы. Питаться приходилось тухлой тюлениной или сырой моржовой кожей, делить с собаками заплесневелую сушеную рыбу, жить «с ружья» или сидеть голодом. Зато я разыскивал формы спряжений полуисчезнувшего камчадальского языка, собирал каменные оружия у керецких троглодитов на реке Хатырке и черепа азиатских эскимосов, во множестве вымерших с голода двадцать лет тому назад, делал гипсовые маски и деревянные ящики, набивал чучела, записывал песни на фонографе.

Петропавловск — это город, наполненный чиновниками из Владивостока.

Чиновники существуют для казенных дел, казаки — для помощи чиновникам, мещане добывают для них рыбу, пароходы возят припасы и для них, и для мещан, а мещанки утешают чиновников, и казаков, и матросов. Чиновники делятся на партии, которые враждуют между собой. Каждый дом наполнен сплетнями, как улей медом. Страдательным объектом являются камчадалы, рассеянные по небольшим поселкам, которых и чиновники, и казаки усмиряют со времени последнего бунта в 1731 году и заусмиряли до пожизненного трепета и безмолвия. Зимою, путешествуя по Северной Камчатке, я был поражен складом туземной жизни и никак не мог помириться с ее противоречиями. Еды много: рыба, бараны, медведи. Камчадальские ребятишки пьют молоко, едят молочную кашу, смешанную с прогорклым тюленьим жиром. Камчадалы едят картошку, перетертую с кипрейными стеблями и шеломайным корнем. Природа богата и все терпит, и все дает. Крапива для выделки сетей дико растет выше человеческого роста. Но среди всего этого изобилия в просторных избах, в амбарах, наполненных пищей, живет население, забитое до потери человеческого образа и вечно умирающее от страха то перед начальством, то перед заразой, то перед проезжим казаком, везущим почту.

Южные камчадалы, по крайней мере, на три четверти обрусели и изо всех сил стараются обрусеть до конца. Но северные не имеют и этого утешения. По-русски не говорит никто, тем не менее, от собственной духовной жизни не осталось и следа: сказки забыты, старинные обычаи брошены, шаманские верования исчезли, а христианство привилось только по имени. Игрища и пляски, общественные обряды, сложные и оригинальные, как их описывает Крашенинников, — все перевелись и не заменились ничем. Мне случилось отсиживаться от пурги в небольшой лесной избушке с артелью камчадальских охотников почти трое суток. Все это время они сидели, теплили огонь — и молчали: варили рыбу, ели — и опять молчали: ложились спать, просыпались — и опять молча. В жизни своей я не встречал такого бессловесного народа».

К 1910 году жизнь на Камчатке, видимо, несколько изменилась. Другой исследователь — Иохельсон — сумел собрать некоторое количество сказок в Тигильском районе. Возможно, ему удалось расположить к себе камчадалов, многое также зависело от сопровождающих

путешественников каюров, насколько доходчиво они умели объяснить цель визита русского человека. Возможно, на жизнь глубокой провинции определенное влияние оказала первая русская революция 1905—1907 гг. Изменения, происходившие тогда в центральной — материковой части России, не могли не отразиться на Камчатке, хотя бы эмоционально. Так случилось и в недавнее время, когда в стране начались, так называемые, перестроечные процессы. Их отзвук дошел и до аборигенов.

Так, в феврале 1989 года ительмены с Ковран и близлежащих сел на конференции аборигенов ительменов решили образовать Ассоциацию под названием Совет Возрождения культуры ительменской народности «Тсханом». Это был один из первых опытов создания общественной организации коренных северных народов для защиты своих прав на возрождение самобытной этнокультуры. Затем пошел процесс зарождения и становления первых национальных предприятий родовых общин, артелей, акционерных обществ, общественных организаций, которые в своих названиях отражали топонимику родного языка и имена мифологических героев, богов — прародителей. «Иянин — Кутх», «Ковран», «Плэхэн», «Уж», «Киптин-Шен», «Сузвай», «Онава», «Согжой», «Утхолок», «Билюкай», «Эсхлин», «Лааг», «Кутх» и другие, что во многом и определило заметный интерес к историческому и мифологическому прошлому коренных народов Камчатки. Повысился интерес к лингвистическим и другим материалам Стеллера, Крашенинникова, Палласа, доктора Робека, участника экспедиции Ибилинса, Лосепса, участника экспедиции Лаперуза, врача Тюшова, Дыбовского, Богораза, чьи работы научно обосновали родство ительменского, чукотского и корякского языков. В 1922 году — в Вашингтоне, в издании Смитсоновского института, вышла сравнительная грамматика чукотского, корякского и ительменского языков. Изучаются работы Иохельсона, учеников Богораза, Стебницкого, Орловой. В центре внимания — работы советских ученых — Вдовина, Гурвиче, Скорика, Дебица, Крушанова, Володина, Халоймовой, малоизвестные на Камчатке дореволюционные работы Богородского, Дитмара, Бульчева и других. Современные знатоки фольклора Т. Г. Гуторова, Г. Г. Поротов, Н. Суздадова, В. Коянто и другие, обогащающие национальную культуру.

Ительменские легенды и сказки записаны во время полевых экспедиций этнографо — экологического характера, которые проводились учеными Кастенем, Бобариком, Коэстером, Заочной совместно с Петрашевой. Собранные материалы включены в первый вариант сборника «Сказки, легенды и рассказы ительменов Камчатки», изданного в 1994 году. Сюда вошли интерпретации известных сказок «Анакэ Сисикэ», «Амнэл», рассказанные Т. Н. Брагиной, «Кутх и мыши» Е. Е. Силиной, легенда «Втлылвал» А. Д. Ивашовой, быль «Тнакол» (дедушка) Т. Н. Брагиной, рассказ А. М. Даниловой о поездке в Тигиль в переводе Д. Н. Жиркова, современный рассказ «Черная ворона» Л. Е. Правдошиной.

Хотелось бы вспомнить историческое прошлое нашего народа. Имя «ительмен» означает «тот, кто есть, кто существует», жили они оседло, по берегам камчатских рек. На начало XVIII в. ительменских посе-

лений было около 120, с населением от 10 до 25 тысяч человек при средней цифре в 15, 17 тысяч. Юг Камчатки представлял собой зону со смешанным населением, по данным некоторых исследователей, ительмены, возможно, занимали два Северных острова Курильской гряды «Шум-Шу» и «Пара-Мушир». Названия поселков, как правило, совпадали с названиями рек: Эсхлин (современная Седанка), правый приток р.Тигиль, Наппон (Напана) левый приток. Поселение ительменов представляло собой одну-две, иногда до четырех полуземлянок, которые Крашенинников называет тюркским словом юрта, а по-ительменски «кист» (т. е. дом) — по всей Камчатке оно звучало одинаково — и служило зимним жильем для семейной общины, насчитывающей несколько десятков человек. Летом малая семья (дети с родителями) жила в отдельном балагане, по — ительменски Бата — банс (восточные и южные языки). По Крашенинникову «МЭМ» (западный язык) юрта и балаган — постройки с полным комплектом жилья.

Герои ительменских сказок и легенд, а также боги-прародители, обосновываясь на новом месте, строили себе кист и мэм. С.П.Крашенинников в книге «Описание земли Камчатка» признается, что не понимает «смешных басен и вздорных суеверий». Он пишет: «Богом камчадалы почитают некоего Кутху, от которого произошел народ их». В современном понимании Кутх — это скорее не Бог, но прародитель. В восточном языке — Кут, в южном — Кутхай, в западном — Кутха, и ительмены — дети Кутха, точнее, отдаленные потомки. Кутх создал мир, Камчатку и ее обитателей. Стеллер и Крашенинников записали несколько версий ительменского генезиса, которые они слышали в разных районах Камчатки. По одной из них, Кутх с женой Иль Кум, жившей на небесах, однажды снизошли с неба на море, где она погрузилась в воду по грудь и в этой позиции родили сына, Скалима (Семт — земля). Поселившись на этой земле, Кутх и его жена произвели на свет еще одного сына. Ты-жил-Кутха и дочь Сидуку. Брат и сестра затем сочтались браком, родили сына Омпся и дочь Сидукамшиг — это уже внуки Кутха. Они в свою очередь вступили в брак, и от них произошел ительменский народ. После рождения сына Ты-жил-Кутха сам Кутх с Камчатки отбыл, он пошел на лыжах, и от этого земля просела, продавилась, покорежилась, и получились горы, утесы и пади. В другой интерпретации мир был сотворен Кутхом с сестрой Хутдыжиг. Они снесли землю с неба и утвердили посреди моря. Море же сотворил Уэтлэйгин, который его никогда не покидал, а дальнейшая праистория ительменов развивается, как и в первом случае. Существует версия, что Кутх жил по два года на каждой камчатской реке и рожал там детей, а потом оставлял их на этих реках жить, сам же отправлялся на юг на батах. Отсюда и название «Урочища «Кутхины баты». Поскольку Кутх с Камчатки отбыл неизвестно куда, его сын Ты-жил-Кутха сотворил земных зверей и научил людей шить одежду из меха, кож звериных, а до того научил их вязать сети из крапивы и ловить рыбу. Другой фигурой в мифологическом пантеоне ительменов был Пилягуч. Другие языковые варианты этого имени Пилю-Билюкай. Жил он на небе и был там же господином грома и молнии. Когда

гремел гром, ительмены говорили: «Пилягуч баты свои перетаскивает». Интересно, что русское население связывало гром с поездкой по небу Ильи-пророка на своей колеснице. Дождь бывает, когда Пимогай мочится. Радуга — это его новая расшитая кухлянка, которую он одевает, когда справит нужду. Кроме него, на облаках жил еще Балаките — хозяин ветра, которого создал Кутх в человеческом образе и дал ему жену по имени Завина Кутакт. Завина в отсутствие мужа тщательно румянилась и ждала мужа, когда он возвращался, она вспыхивала от радости и получалась утренняя или вечерняя заря, когда он задерживался, она хмурилась и плакала, и от этого восстанавливалась пасмурная погода. Прочтя это место у Крашенинникова, Пушкин отметил: «Какая грациозная сказка». Хозяин моря назывался Митч, в западном языке нитх (дедушка-бабушка), поэтому данный персонаж может быть мужского и женского пола.

Под землей (по всей вероятности) жил еще один персонаж, по имени Туил. Он ездил на своей собаке Козей, и, когда она отряхивалась от снега, в земном мире происходило землетрясение. Хозяином подземного мира был Гаяч — один из сыновей Кутха и первый человек, который умер на Камчатке. Земной мир, кроме мифологических богов, населяли многочисленные духи. Духи гор и горячих ключей звались гамулы, а сами ительмены подражали им и копировали; их зимние жилища внешне напоминали вулканы, особенно когда гремели очаги, сами же они, как лихие гамулы, бегали вверх и вниз по ступеням, вырубленным в цельном бревне, поставленном наклонно к выходу, сквозь дым и огонь. Образ Кутха в духовном мире ительменов в период Стеллера и Крашенинникова расщепился. Был Кутх мифологический и был Кутх сказочный. В этом своеобразии культового отношения ительменов к своему Богу и прародителям. Всякие непристойности, описанные Крашенинниковым, вроде той, где Кутх таскает свою жену за волосы, поссорившись из-за птичьих яиц, — это сказочный Кутх. После Крашенинникова было установлено, что Кутх — это Ворон, фигура мифологическая. В этой своей ипостаси он имеется у коряков, кереков, чукчей, североамериканских индейцев. Генетически Кутх — создание ительменской фантазии, все другие народы заимствовали этот образ. У коряков, чавчуменов — это Куйкыннюку или Куткыннюку (у олюторцев), по-керекски — кукки, по-чукотски — Куркыль, по-эскимосски — Кошкли (у азиатских эскимосов), у американских — его имя Тологак (Тулуак). У индейцев тликлитов Ворон носит несколько имен: Куч, Канук или Иель (Эль). Чем дальше от Камчатки, тем меньше сходства с именем Кутха. Но во всех случаях этот образ расщеплен: герой мифов — герой сказок. В скрытой форме у Крашенинникова, как заметили позднейшие исследователи, присутствует особая роль Ворона, в одной, записанной им церемонии ритуального праздника (стр.418): двое мужчин били чучела кита нерпичьими кишками, крича по-вороньи. Крашенинников, как опытный наблюдатель, записал эту деталь праздника, но значения ей не придал, а сами ительмены не объяснили ему, что Кутх — это Ворон, да и вряд ли они поняли бы друг друга, слишком разительны их представления о Боге. Строго го-

вора, большой корякский Ворон — это посредник между божественной силой и людьми. В их мифологии олицетворением божественной силы, благорасположенной к человеку в образе аморфной фигуры Создателя, это божественная сила выполняет две основные функции: следит за порядком в мире и заботится о продолжении жизни на земле. Отношение коряка к Создателю, по свидетельству Иохельсона, основано скорее на чувстве благодарности, чем на страхе, благодарность выражается в форме жертвоприношений. Большой Ворон считался первым человеком, предком коряков и их защитником. К нему обращались как к могущественному шаману, а при лечении больных, одного из детей большого Ворона, больной персонифицировал со своим именем, считалось, что Большой Ворон присутствует на всех шаманских церемониях. Жена Большого Ворона — Мити, также связана с верховными богами, а дети Ворона играют важную роль в корякских мифах, они постоянно борются с кэлэ — олицетворением зла в природе, а в ряде мифов борются с самим отцом. Так, в одном из мифов, Большой Ворон проглотил солнце, а дочь убивает его, освобождая солнце.

Особую роль в ительменском эпосе играют легенды, отражающие героину, например, легенда об ительменском силаче Тилвале, в концовке которой он погибает в схватке с казаками Ярыгина, один из вариантов легенды переведен и рассказан автором данной статьи. В современных легендах, написанных конкретным автором, к примеру, Татьяной Гуторовой, отражена вечная борьба добра и зла. Легенда «Эльвель» о трагической любви. Имена героев заимствованы из названий окружающего с. Ковран ландшафта: река Плэхэн и т. д. В этой легенде отражено современное и в то же время глубоко самобытное миропонимание аборигенами борьбы двух начал: добра и зла в образе двух шаманов. Научно говоря, конкретных шаманов не знали. Людей, специально занимающихся шаманством, у ительменов не было, их культура носила такое явление, как коллективное шаманство. В каких-либо ритуальных праздниках племя шаманило целиком, а в обычной обстановке каждый был сам себе шаман. Только когда происходило нечто глубоко необычное, приглашали человека — носителя определенных знаний, умеющего прогнать злого духа, истолковать сон, предсказать будущее. В этой роли у ительменов, как правило, выступали пожилые женщины, Митха или мужчину, носившего женское платье, делавшего женскую работу — коек-чучи, по Крашенинникову — красики (люди превращенного пола). Имя последнего шамана хайрюзовца — Илья Муром. Это тот самый старец Илья, которого Иохельсон записывал на фонограф в 1910 году. Описание этого шамана дано в книге А. П. Володина «Ительмены», Санкт-Петербург, 1995 год. Легенда «Втылвал», по нашим данным, в 1926 году рассказана в с. Тигиль А. Мироновой, записала и перевела Е. П. Орлова, в том же году в записи перевода С. Наседкина в с. Напана, в селе Седанка — Оседлая. В тот же год — рассказ И. Косыгина в записи Орловой, 1953 г. с. Седанка — Оседлая — Г. Г. Федоров в записи и переводе Е. П. Орловой, в 1966 г. ее рассказал житель с. Напана П. И. Наседкин — записал

А. П. Володин. В 1968 году рассказал житель с. Тигиль Н. Ф. Григорьев — записал П. Володин. В 1994 г. рассказала жительница с. Тигиль А. Д. Иванова. Таким образом, мифы и легенды еще живы в памяти аборигенов и сегодня, что свидетельствует об их важности для современного человека.